

А. Г. Меньшикова, Е. И. Думанская

СТАНОВЛЕНИЕ ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ

В статье проводится исторический анализ законодательного закрепления признака «особая жестокость» и смежных с ней категорий. Определяется юридическая роль данного признака на разных этапах становления уголовного законодательства. Авторы рассматривают научные представления относительно толкования понятий «особая жестокость», «истязания», «мучения» и иных форм жестокого поведения в доктрине уголовного права и правоприменительной практике дореволюционного и советского периодов. В заключении выявляется преемственность норм действующего уголовного закона в применении и определении признака «особая жестокость», определяются сходные черты и существенные различия.

Ключевые слова: особая жестокость, истязания, мучения, понятие, уголовный закон.

A. G. Menshikova, E. I. Dumanskaya

THE FORMATION OF SPECIAL RIGIDITY AS A THEORETICAL AND LEGAL CONCEPT

The article provides a historical analysis of the legislative consolidation of the sign of «special cruelty» and related categories. The legal role of this feature at different stages of the formation of criminal law is determined. The authors consider scientific ideas regarding the interpretation of the concepts of «special cruelty», «torture», «torture» and other forms of cruel behavior in the doctrine of criminal law and law enforcement practice of the pre-revolutionary and Soviet periods. In conclusion, the continuity of the norms of the current criminal law in the application and determination of the sign of «special cruelty» is revealed, similar features and significant differences are determined.

Key words: special rigidity, torture, torment, concept, criminal law.

Особая жестокость в науке уголовного права традиционно используется как оценочный термин, который сложно определить через четкие и ясные юридические признаки, что приводит к неоднозначному ее пониманию. Как следствие, данное понятие истолковывается учеными-правоведами и правоприменителями по-разному. Осложняет понимание особой жестокости еще и тот факт, что для передачи ее содержания привлекаются различные смежные понятия, такие как «мучения», «истязания», «страдания», «издевательство», «мучительная боль», «особые страдания», «жестокое обращение», «жестокость», «садизм», «пытка» и другие, которые также являются оценочными категориями.

Для полного исследования понятия «особая жестокость» представляется необходимым провести исторический анализ как доктринального, так и законодательного его толкования, а также смежных с ним оценочных категорий. Мы проследим историю применения признака жестокости и особой жестокости, а также ее проявлений и закреплений в уголовном законодательстве и эволюцию научных представлений о его содержании. Изучение поставленного вопроса с определенной долей условности представляется логичным разделить на два периода. Первый из них посвящен анализу уголовного законодательства и трудов известных ученых в данной области дореволюционного периода, второй – советского периода. Такое разделение является традиционным для отечественных историко-правовых исследований, но в определенной степени является условным и использовано здесь главным образом из потреб-

ности структурировать материал, нежели в силу значимых и существенных различий этих двух периодов в контексте рассматриваемой проблемы.

В уголовном дореволюционном законодательстве термин «жестокость» был закреплен в пункте 7 статьи 129 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [1, с. 75]. Указанный признак характеризовал условия, усиливающие главным образом наказание: «чем более было жестокости, гнусности или безнравственности в действиях, коими сие преступление было предуготовляемо, приводимо в исполнение, или сопровождаемо» [1, с. 75]. «Жестокость» связывалась законодателем в основном с проявлением отрицательных свойств личности преступника, что, бесспорно, приводило к увеличению общественной опасности совершенного преступления и личности субъекта преступления и позволяло суду усилить наказание.

Однако уголовное законодательство дореволюционного периода помимо понятия «жестокость» содержало и различные смежные с ним категории. Так, например, Уложение 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. мучения и истязания предусматривали в качестве отдельных преступлений (ст. 1489 Уложения 1845 г. [1, с. 526]) либо как отягчающий признак таких составов преступлений, как причинение различной степени тяжести телесных повреждений (ст.ст. 1477, 1479 Уложения 1845 г. [1, с. 517, 520], ст. 471 Уложения 1903 г. [2, с. 31]), за лишение личной свободы (ст. 1542 Уложения 1845 г. [1, с. 558], п. 4 ст. 499 Уложения 1903 г. [2, с. 32]). Убийство способом, когда «убитый лишен жизни через истязания или подвергался жестоким мучениям», являлось квалифицирующим признаком, усиливающим уголовную ответственность (п. 2 ст. 1453 Уложения 1845 г. [1, с. 505], п. 9 ст. 455 Уложения 1903 г. [2, с. 28]). Жестокое обращение с детьми предусматривало уголовную ответственность опекунов и родителей (ст. 420 Уложения 1903 г. [2, с. 24]), при этом самоубийство детей расценивалось как отягчающее обстоятельство (ст. 1476 Уложения 1845 г. [1, с. 517]). Ст. 282 Уложения 1903 г. определяла уголовную ответственность за «жестокое обращение с душевнобольными, вверенными надзору или попечению виновного» [2, с. 17].

Законодатель содержание данных понятий не определял, что приводило к сложностям в правоприменительной деятельности. Правоприменитель в традиционной для российского уголовного права манере вынужден был тогда обращаться к официальным толкованиям Сената, которые, со своей стороны, не давали внятных, конкретных, а самое главное юридически значимых характеристик указанных категорий. Так, под истязанием понималось «такое посягательство на личную неприкосновенность, которое сопровождалось мучениями и жестокостью» [3, с. 10]. Очевидно, что определение оценочных категорий через использование иных аналогичных терминов, в частности раскрытие понимания истязания через жестокость, не будет способствовать единообразию в правоприменительной деятельности.

Поэтому большие надежды в решении данного вопроса возлагались именно на доктринальное толкование. В научной литературе истязания рассматривались как причинение физической боли различными способами. К таким формам предлагали относить: «сечение розгами, дранье за волосы, щекотание, разного рода пытки и т. п., последствиями их могут быть различные расстройства организма» [4, с. 21]. Под мучениями понималось «лишение человека необходимых для целостности и здоровья его условий, например, пищи, питья, света, воздуха и т. п.», которое «ограничивает отрицательным образом существование человека и тем, несомненно, производит повреждение тела» [5, с. 99].

Л. С. Белогриц-Котляревский приближал понятие истязания к понятию пытки и понимал под ним «систематическое причинение телу страданий», особо отмечая правильность отнесения Сенатом к истязаниям такие случаи, как «удушение жены мужем веревкой, опущение в прорубь с опасностью для жизни, мучительное стягивание головы веревкой при помощи палки» [6].

Внимание яркие представители науки уголовного права акцентировали на том, что истязания связывались с причинением потерпевшему не простых страданий, которые характерны для всех случаев физического насилия, а страданий особого рода, представляющих предельную степень, либо длительных по времени. Таким образом, ключевым признаком указанных

преступных действий являлась «проявленная особая жестокость преступника и мучительность для лица, подвергающегося насилию» [3, с. 10].

Особо мучительный для потерпевшего способ совершения убийства российская наука дореволюционного периода относила его к условию, характеризующему исключительно объективную сторону данного состава преступления, а именно такой ее признак, как способ совершения преступления [6; 7, с. 70].

Н. С. Таганцев считал, что к «убийству, совершенному средствами, указывающими на особенную злобу и жестокость, относятся два вида убийства: 1) когда убийство совершалось через истязание; 2) когда убитый перед смертью был подвергнут каким-либо более или менее жестоким мучениям» [7, с. 70]. Пункт 2 ст. 1453 Уложения 1845 г. применялся там, где истязания являлись дополнением к убийству, либо когда они служили средством лишения жизни. Особо отмечался тот факт, что «Уложение 1845 г. не давало никаких точных определений этих условий, предоставляя это практике, с учетом обстоятельств каждого конкретного факта убийства» [7, с. 70].

Схожего мнения придерживался И. Я. Фойницкий, который предлагал «по жестокости действия выделять лишение жизни через истязания, когда истязания были причиной смерти (например, голодная смерть, скручивание головы веревкою, отчего треснул череп), а также убийство, которому предшествовали, хотя и не были причиной смерти, жестокие мучения жертвы (пытка)» [8]. Более того, И. Я. Фойницкий отмечал, что «Уголовное уложение 1903 г. в этом случае имеет в виду вообще способ, особенно мучительный для убитого» [8].

В. В. Есипов в своих высказываниях особое внимание уделял не столько объективной характеристике проявлений жестокого поведения, сколько ее субъективной составляющей, определяя, что «основанием квалификации случаев лишения жизни, средствами коих служили истязания или мучения, является особенно резкое проявление преступных наклонностей лица, которое не только открыто стремится к выполнению своего преступного плана, но даже прибегает к средствам наиболее жестоким» [9, с. 57].

Л. С. Белогриц-Котляревский предпринял попытку выделить определенную цель в качестве одного из признаков жестокого поведения, считая, что под «убийством, изобличающим особую злобу и жестокость преступника, предлагал понимать убийство, сопровождающееся истязаниями и мучениями, которые могли быть непосредственной причиной смерти, либо служить целью усиления страданий жертвы» [6].

Лишение свободы, сопровождающееся истязаниями и мучениями (ст.ст. 1541, 1542 Уложения 1845 г., п. 4 ст. 499 Уложения 1903 г.), признавалось особенно тяжелой формой задержания или заключения. Причем для данного состава безразлично, причинены ли мучения насильственными действиями или самой обстановкой заключения (сырость, холод или удушливая атмосфера), необходимо только, чтобы все эти мучительные действия предусматривались виновным [6].

Под «жестоким обращением» по отношению к определенной категории лиц в соответствии с разъяснениями правоприменителя предлагалось относить «случаи нанесения увечья и ран, а также неоднократное сечение розгами, часто повторявшееся нанесением побоев, оставлявших следы на теле, и вообще продолжительное причинение всяких мучений» [8].

В уголовном законодательстве дореволюционного периода «в чистом виде» не употреблялась особая жестокость, однако достаточно часто использовались смежные с ней категории. Причем законодатель придавал им различное юридическое значение с точки зрения уголовно-правовой квалификации: в качестве самостоятельного состава преступления, квалифицирующего признака и в качествеотягчающего наказания обстоятельства, не давая при этом четкого и ясного определения.

Доктрина уголовного права дореволюционного периода предпринимала попытки восполнить данный пробел. При раскрытии содержания понятия «жестокость» ученые использовали смежные понятия, такие как «истязания», «мучения», «страдания», «особо мучительная боль», «издевательство». И наоборот, «истязания», «мучения», «страдания» определя-

лись через различные формы проявления жестокого поведения преступника в жизни. Главным образом доктринальные интерпретации понятия жестокости сводились к перечислению наиболее типичных случаев проявления жестокости при совершении преступлений без уточнения существенных признаков понятия и выработки точной терминологии, оставляя ей роль оценочного признака. Такое положение вещей не способствовало единообразию в правоприменительной практике, отсутствие юридически значимых признаков в определении рассматриваемых понятий вызывало еще больше вопросов.

Однако положительным и, на наш взгляд, значимым моментом в развитии и становлении понятия «особая жестокость» в российской уголовно-правовой науке является то, что ученые в своих воззрениях предпринимают попытки соотнести признак «жестокость» с объективными и субъективными признаками состава преступления, в частности со способом совершения преступления или характеристикой личности преступника. Рассмотрение особой жестокости сквозь призму элементов и признаков состава преступления как единственного юридического основания уголовной ответственности является существенным и значимым шагом в развитии уголовно-правовой науки. Более того, попытки определить ключевые признаки особой жестокости и смежных с ней категорий все-таки просматриваются, поскольку многие юристы-правоведы предлагали в качестве главного признака жестокого поведения рассматривать именно страдания, которые испытывает на себе потерпевший, причем страдания особого вида.

Уголовные законы советской власти в определенной степени сохранили преемственность российского законодательства дореволюционного периода. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. рассматривал жестокость в качестве обстоятельства, определяющего меру наказания (п. «и» ст. 25 УК РСФСР 1922 г.) [10], то есть фактически был закреплен законодателем в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Существенным отличием советского уголовного законодательства от дореволюционного является то, что словосочетание «особая жестокость» именно в таком виде впервые нашло свое отражение. В Уголовном кодексе 1926 г. признаку «особая жестокость» (п. «д» ст. 47 УК РСФСР 1926 г. [11]) была удостоена роль «обстоятельства при определении той или иной меры социальной защиты» [11].

Также законодателем были закреплены и смежные с особой жестокостью категории.

Пункты «в» ст. 142 УК РСФСР 1922 г. и п. «в» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. закрепляли в качестве отягчающего признака убийства «совершение его особо мучительным для убитого способом» [10; 11].

«Способ, носящий характер мучений или истязаний», предусматривался в качестве квалифицирующего признака умышленного причинения тяжких телесных повреждений (ч. 2 ст. 149 УК РСФСР 1922 г. [10]; ч. 2 ст. 142 УК РСФСР 1926 г. [11]); умышленного нанесения удара, побоев или иных насильственных действий (ч. 2 ст. 157 УК РСФСР 1922 г. [10], ч. 2 ст. 146 УК РСФСР 1926 г. [11]). Причинение мучений и физических страданий потерпевшему являлось признаком, усиливающим ответственность за незаконное лишение свободы (ст. 160 УК РСФСР 1922 г. [10], ч. 2 ст. 147 УК РСФСР 1926 г. [11]). Жестокое обращение с потерпевшим в качестве обязательного или составообразующего признака доведения до самоубийства или покушения на него было отражено в ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г. [11].

Законодательное разъяснение указанных положений по-прежнему отсутствовало, и данную проблему пытались решить традиционным способом через доктринальное толкование.

В науке уголовного права советского периода «к особо мучительному для потерпевшего способу убийства предлагалось относить случаи, когда сам процесс лишения жизни причиняет потерпевшему особо сильные страдания, выходящие из ряда обыкновенных» [12, с. 18].

А. А. Пионтковский указывал на то, что «любое убийство сопровождается физическими страданиями жертвы, но квалифицированным по п. «в» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. может быть лишь убийство, в котором преступником проявлена особая жестокость, что свидетельствует об особой социальной опасности преступника» [13, с. 20].

Среди особо мучительных способов убийства в доктрине советского уголовного права выделялись следующие: «отравление медленно действующим ядом; предварительное с целью убийства изувечение человека; нанесение большого количества ран; сожжение на огне; лишение жизни путем голода и жажды; убийство, которому предшествовала пытка жертвы, разрезание человека живым на части» [12, с. 19; 13, с. 20; 14, с. 26]. С точки зрения субъективной стороны состава преступления необходимо было определить и наличие у преступника «сознания того, что убийство совершается особо мучительным способом» [12, с. 19; 13, с. 20; 14, с. 26].

Умышленное причинение тяжких телесных повреждений способом, носящим характер мучения и истязания, характеризуется действиями, причиняющими потерпевшему исключительно сильные страдания, что свидетельствовало о проявленной особой жестокости субъекта преступления, о его повышенной социальной опасности. К такому умышленному причинению тяжких телесных повреждений относились «случаи лишения зрения путем выкалывания глаза; причинение опасного для жизни расстройства здоровья путем обречения жертвы на голод; обезображивание лица в результате вырезания кусков кожи, причинение потерпевшему физических страданий, выражающихся в лишении питья, воздуха, тепла, света» [12, с. 24–29; 13, с. 49; 14, с. 58].

Истязание как отягчающий признак умышленного нанесения ударов, побоев или иных насильственных действий рассматривалось как «многократное нанесение побоев и другого рода насильственных действий, причиняющих сильные страдания, рассчитанных на причинение особенной боли, например, сечение, систематическое избивание, вырывание многих волос по одному» [12, с. 37; 13, с. 55; 14, с. 56].

«Причинение мучений и физических страданий потерпевшему» как квалифицирующий признак лишения свободы имело место как при задержании (мучительное связывание рук), так и при помещении его в какое-либо место, сопровождающееся длительным лишением пищи и воды [13, с. 84].

Доведение до самоубийства или покушения на него с объективной точки зрения включало в себя следующие элементы: «жестокое обращение с потерпевшим или другое подобное обращение с ним («иным путем»); совершение потерпевшим самоубийства либо покушения на него; наличие причинной связи между ними» [13, с. 35]. Под «иным путем» предлагалось понимать «издевательства, ложные обвинения, систематические преследования» [13, с. 35].

С принятием Уголовного кодекса 1960 г. положение относительно разъяснения понятия «жестокость», «особая жестокость» и смежных с ней категорий на законодательном уровне и в науке уголовного права не претерпело особых изменений.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. понятие «жестокость» всецело преобразовалось в понятие «особая жестокость» и было отражено уже не только как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность при назначении наказания (п. 7 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. [15]), но и как квалифицирующий признак отдельных составов преступления: умышленное убийство с особой жестокостью (п. «г» ст. 102 УК РСФСР 1960 г. [15]), дурное обращение с военнопленными (п. «а» ст. 268 УК РСФСР 1960 г. [15]).

В качестве самостоятельного преступления было предусмотрено «истязание» (ст. 113 УК РСФСР 1960 г.), которое включало в себя «систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязания» [15], а также квалифицирующего признака при «умышленном причинении тяжких или менее тяжких телесных повреждений» (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 109 УК РСФСР 1960 г. [15]).

Законодательное толкование исследуемых терминов по-прежнему отсутствовало. Судебная практика не отличалась четкостью и ясностью формулировок и, по сути, воспроизводила доктринальное понимание прошлых лет.

Так, в постановлении от 27 июня 1975 г. Верховный Суд СССР указал, что «законом особая жестокость связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости» [16]. К особо жестокому способу могут быть отнесены, в частности, случаи, когда перед лишением жизни или в про-

цессе совершения убийства к потерпевшему умышленно применялись особые страдания путем нанесения большого количества телесных повреждений или использования медленно действующего яда. «К другим обстоятельствам, свидетельствующим о проявлении виновным особой жестокости, относились случаи совершения убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, глумления над трупом, кроме случаев его уничтожения или расчленения с целью сокрытия преступления» [16]. В дальнейшем позиция высшей судебной инстанции изменилась: в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» [17] глумление над трупом как одно из проявлений особой жестокости при совершении убийства отсутствовало. Для квалификации убийства по данному признаку следовало определить, что виновный при этом предвидел, желал или сознательно допускал особую жестокость.

В научной литературе этого времени под особой жестокостью как обстоятельством,отягчающим ответственность при назначении наказания, рекомендовалось понимать «применение при совершении преступления способа, особо мучительного для потерпевшего, либо хладнокровное доведение преступного замысла до конца, несмотря на просьбы потерпевшего пожалеть его, либо длительное изощренное издевательство над человеком» [18, с. 87]. Издевательство включало случаи «глумления над потерпевшим во время совершения преступления или причинения ему каких-либо дополнительных физических или моральных страданий» [18, с. 87].

В доктрине уголовного права под убийством, совершенным с особой жестокостью, признавали как способ действия виновного (истязание, причинение мучений, препятствие оказанию помощи потерпевшему после смертельного ранения, причинение смерти с применением огня, кислоты), так и иные обстоятельства убийства (использование беспомощности потерпевшего, который сознавал, что его лишают жизни, убийство детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей). Особо отмечался тот факт, что в законе говорится об «особой жестокости» убийства, а не о способе, «особо мучительном для убитого» [19, с. 155]. Кроме того, отмечалось, что «для применения п. «г» ст. 102 УК РСФСР не требуется, чтобы виновный, совершая умышленное убийство, действовал специально с целью проявления особой жестокости; достаточно установить, что он сознавал особую жестокость своих действий» [19, с. 155].

Пункт «а» ст. 268 УК РСФСР 1960 г. предусматривал уголовную ответственность «за дурное обращение с военнопленными, сопряженное с особой жестокостью» [15]. Данное преступление могло состоять в посягательстве на их человеческое достоинство, побоях, истязании, применении других видов жестокого обращения [18, с. 515].

Мучения или истязания свидетельствовали о безжалостности лица, виновного в совершении преступления. Под мучениями предлагалось понимать такие действия, которыми причинялись потерпевшему физические или моральные страдания. К истязаниям относились случаи применения «физического насилия, совершаемого систематически или связанного с длительным причинением физических страданий» [18, с. 255]. Истязания могут состоять в нанесении побоев, щипков, царапин, уколов острым предметом и других действиях, причиняющих особую боль потерпевшему [18, с. 258].

«Под истязаниями закон имеет в виду многократное нанесение побоев, или причинение легких телесных повреждений, или иные действия, связанные с причинением потерпевшему особенной физической боли (например, щипание, сечение розгами и т. п.) [19, с. 178]. Такие действия могут не повлечь ущерба здоровью или вызвать кратковременное расстройство здоровья потерпевшего. Однако истязание причиняет потерпевшему сильное физическое и психическое страдание, свидетельствует о жестокости виновного, а поэтому представляет значительную общественную опасность» [19, с. 179].

Г. И. Чечель полагал, что «истязание является не чем иным, как способом причинения жертве особых мучений и страданий. Данный конечный результат достигается через нанесе-

ние легких телесных повреждений, побоев и совершение иных насильственных действий над личностью» [20, с. 36].

Отдельные формы нанесения телесных повреждений в процессе истязания раскрывались в Правилах судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденных Приказом Министерства здравоохранения СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208. Вместе с тем в Правилах 1978 г. было указано, что «решение вопроса о квалификации действий как истязание не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта, а является прерогативой правоохранительных органов» [21, с. 235, 244].

Статья 230-1 УК РСФСР 1960 г. предусматривала уголовную ответственность за жестокое обращение с животными и была помещена в главе X «Преступления против общественной безопасности» [15]. Признаки объективной стороны этого состава преступления выражались «в жестоком обращении с животными, повлекшими их гибель или увечье, и в их истязании» [22, с. 22].

Таким образом, и законодательство, и наука уголовного права советского периода в известной степени сохранили преемственность прошлого времени. Продолжают встречаться понятия «жестокость», «истязания», «мучения», «особо мучительный для потерпевшего способ совершения убийства», «жестокое обращение», и появляется смежное с данными терминами более емкое понятие «особая жестокость». В их определении учеными прослеживается та же особенность, свойственная науке уголовного права дореволюционного периода, – доктринальные интерпретации понятия жестокости сводились к перечислению наиболее типичных случаев проявления жестокости при совершении преступлений без уточнения существенных признаков понятия. Причем для выявления содержания жестокости и особой жестокости использовались не только прежние смежные с ними категории, но и появлялись новые, такие как «исключительно сильные страдания», «побои и другого рода насильственные действия», «издевательства», «физические и моральные страдания», «особенная физическая боль», «особые мучения и страдания», однако в прозрачную систему они по-прежнему не выстраивались.

Огромным достижением науки уголовного права советского периода, на наш взгляд, стало то, что в данный период времени упрочнились положенные в дореволюционное время позиции рассмотрения признака «особая жестокость» сквозь призму состава преступления. Особая жестокость раскрывалась не только как проявление способа совершения преступления, но и стала неотъемлемой характеристикой такого объективного признака состава преступления, как обстановка. Указанные объективные признаки состава преступления обязательно должны были охватываться умыслом виновного.

Научные представления о понятии «особая жестокость» и смежных с ней оценочных категорий появились как ответная реакция на закрепление указанных терминов в уголовном законодательстве. И чем чаще законодатель их использовал, тем больше внимания уделяли ученые характеристике исследуемых проявлений поведения человека.

Доктринальное толкование исследуемых периодов существенных различий не имело: как в дореволюционный период, так и в советский период наука уголовного права не вкладывала в понятия «жестокость» и «особая жестокость» какого-либо терминологического смысла, четкого и ясного определения не существовало, точные юридические признаки отсутствовали. Ученые стояли на позиции отнесения данных категорий к разряду оценочных понятий. В основном все разъяснения сводились к перечислению часто встречающихся на практике случаев проявления жестокого поведения субъекта преступления. Бесспорно, с течением времени перечень данных случаев расширялся, появлялись новые варианты жестокого поведения, отдельные варианты утрачивали свое значение. Представителями науки уголовного права обоих рассматриваемых периодов времени предпринимались попытки определить особую жестокость через смежные с ней категории. Но особых успехов в данном направлении достигнуто не было. Определение одних оценочных категорий через использование других и наоборот не приводит к их четкому юридическому пониманию.

Особо следует отметить динамику развития научных взглядов о соотношении признака жестокости и особой жестокости с объективными и субъективными признаками состава преступления. Если в дореволюционный период доктрина уголовного права главным образом предлагала исследуемое понятие рассматривать как характеристику способа совершения преступления и частично связывала с проявлениями личностных качеств субъекта преступления, то в советский период помимо способа совершения преступления более четко особая жестокость связывалась с обстановкой совершения преступления, а субъективное отношение виновного стало приобретать ключевое значение.

Действующий уголовный закон в полной мере сохранил преемственность развития уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, в которых проявляется или может проявиться особая жестокость, притом по многим моментам:

1. УК РФ особой жестокости и смежным с ней категориям придает различные юридические роли в уголовно-правовой квалификации. Главным образом законодатель использует их как квалифицирующий признак составов преступлений против личности, таких как убийство (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ) или средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ), изнасилование (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ). Истязания сохраняют статус самостоятельного состава преступления (ст. 117 УК РФ). Ну и, наконец, используются законодателем как одно из отягчающих наказание обстоятельств (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что указывает на то, что фактически особая жестокость и смежные с ней проявления могут встречаться при совершении различного рода преступлений и, соответственно, будут учтены судом при назначении наказания.

2. Появление особой жестокости является закономерным результатом совместной работы законодателя дореволюционного и советского периодов нормотворчества и доктрины уголовного права. Данный термин наиболее полно и емко отражает все формы жестокого преступного поведения, встречающиеся на практике.

3. Термин «особая жестокость» продолжает сохранять статус оценочной категории, что, на наш взгляд, является оправданным. Эффективность уголовного законодательства во многом определяется способностью закона адекватно регулировать процессы, происходящие в обществе. Действительность настолько сложна, многообразна и переменчива, что законодатель не всегда может уловить и отразить с помощью закона все особенности конкретных ситуаций. В подобных случаях он вынужден прибегнуть к использованию такого приема юридической техники, как включение в текст уголовно-правовых норм оценочных понятий.

4. Наравне с особой жестокостью сохраняют свое место в системе норм уголовного права и смежные с ней категории, которые являются проявлением отдельных ее граней. Их наличие позволяет суду в допускаемых законодателем пределах назначить справедливое наказание с учетом характера и степени совершенного деяния.

5. Особо жестокое поведение лица при совершении преступления рассматривается правоприменителем сквозь призму признаков состава преступления, в частности способа и обстановки совершения преступления. При этом без внимания не остается и субъективная составляющая подобного поведения.

Литература

1. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – Издание пятое, дополненное. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с. – Текст : непосредственный.
2. Волков, Н. Т. Новое уголовное уложение (издание 1903 г.) с Сенатскими решениями, разъяснениями и указателями / Н. Т. Волков. – Полтава, 1903. – 72 с. – Текст : непосредственный.
3. Ивановский, Н. П. Разделение несмертных повреждений по ныне действующему уложению о наказаниях / Н. П. Ивановский. – Санкт-Петербург, 1905. – 349 с. – Текст : непосредственный.

4. Снегирев, В. Учение о несмертных повреждениях по русским законам / В. Снегирев. – Санкт-Петербург : Типография Имперской академии наук, 1869. – 46 с. – Текст : непосредственный.
5. Познышев, С. В. Особенная часть русского уголовного права : сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложения / С. В. Познышев. – Издание 3-е, исправленное и дополненное. – Москва : Издание Г. А. Лемана, 1912. – 498 с. – Текст : непосредственный.
6. Белогриц-Котляревский, Л. С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Харьков, 1908. – URL: <https://base.garant.ru/6185298/> (дата обращения: 13.03.2020). – Текст : электронный.
7. Таганцев, Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : в 2 томах / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург : Типография А. М. Котомина, 1871. – Т. 2 – 524 с. – Текст : непосредственный.
8. Фойницкий, И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – 5-е издание – Санкт-Петербург, 1907. – URL: <https://base.garant.ru/4069968/> (дата обращения: 12.02.2020). – Текст : электронный.
9. Есипов, В. В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против личности и имущества / В. В. Есипов. – Москва, 1913. – 216 с. – Текст : непосредственный.
10. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
11. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
12. Трайнин, А. Н. Уголовный кодекс. Практический комментарий: общая часть / М. Н. Гернет, А. Н. Трайнин. – Москва : Право и жизнь, 1924. – 546 с. – Текст : непосредственный.
13. Пионтковский, А. А. Преступления против личности : уголовное право. Особенная часть / А. А. Пионтковский. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – 136 с. – Текст : непосредственный.
14. Шаргородский, М. Д. Ответственность за преступления против личности / М. Д. Шаргородский. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1953. – 108 с. – Текст : непосредственный.
15. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – Текст : непосредственный // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
16. О судебной практике по делам об умышленном убийстве : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1975. – № 4.
17. О судебной практике по делам об умышленных убийствах : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 2.
18. Северин, Ю. Д. Комментарий к УК РСФСР / Ю. Д. Северин. – Москва, 1984. – 353 с. – Текст : непосредственный.
19. Советское уголовное право. Часть особенная : учебник / С. В. Бородин, В. А. Владимиров, П. Ф. Гришанин [и др.]. – Москва : Юридическая литература, 1965. – 488 с. – Текст : непосредственный.
20. Чечель, Г. И. Квалификация истязания по действующему законодательству : учебное пособие / Г. И. Чечель. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1989. – 70 с. – Текст : непосредственный.
21. Уголовный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). – Москва : Юридическая литература, 1984. – 464 с. – Текст : непосредственный.
22. Плешаков, А. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными – Текст : непосредственный // А. Плешаков, С. Щербо. – Советская юстиция. – 1991. – № 2. – С. 22–24.